

«Сладкая горечь магии» можно осилить за пару вечеров, но она оставит после себя тонну мыслей и впечатлений. Волшебная и легкая история с приятным послевкусием магии. Наливайте чай в любимую кружку, удобно присаживайтесь и наслаждайтесь.

Полина @polly.reads

Когда красота слова соседствует
с безупречным сюжетом.
Именно так я начала думать,
прочитав первые страницы романа.
Глубокая история о невозможности почувствовать
и о безграничной жажде жизни.
Эта история — бездонное море чувств,
спрятанных за толстой коркой льда,
через которую читателю придётся пробиваться,
чтобы понять чувства обеих героинь.

Ксения @mal_books

Магия с первых страниц будет виться вокруг вас и сжимать не лентой, а прочной и крепкой веревкой. Вы узнаете, как благие намерения могут привести к ужасным последствиям. История не только о любви к человеку, но ещё и любви к обыденным чувствам, семье и магии. Это было слишком волшебным и гармонично. Приготовьтесь отправиться в захватывающее приключение, которое надолго останется в вашем сердце.

Анжела @read.ru

Мы привыкли, что в книгах магия является чем-то светлым и добрым. Такая магия не приносит вред ведьме, за неё не нужно отдавать что-то действительно ценное, например, любовь к близким.

Открыв книгу, вы провалитесь в неё с головой и увидите истинную магию, с горечью и болью, без прикрас. Я не могла оторваться от истории: удивительное мироустройство, потрясающий сюжет и невероятные главные героини не оставят вас равнодушными!

Мария @ms.hedgehog

Невероятно нежная и очаровательная история
о любви во всех её проявлениях в мире,
где за любую магию необходимо платить.
Волшебное фэнтези с сильными и прекрасными
женскими персонажами, которое наполнит ваше
сердце лишь теплыми чувствами.
Несомненно это потрясающий
дебют Эдриенн Тули!

Юлия @libro_preferito

Если вы любите магию и мир фэнтези,
сильных женских персонажей,
если хотите с головой окунуться в приключения,
разобраться с семейными переживаниями,
ощутить тепло внутри, то я очень советую
познакомиться с этой чудесной историей.

Татьяна @tanerona

Вам, если вам это нужно.

Никогда не сомневайтесь, что вы достойны любви.

Тэмсин

Соль казалась Тэмсин пресной. Когда-то она имела смысл, если щедро присыпать ею вареные яйца или копченую рыбу. Теперь соль была на вкус точно такой же, как и все остальное — как отчаяние и шепот далекого пламени. Такой же, как и вся эта постылая, бессмысленная жизнь.

Посетительница выжидательно смотрела на Тэмсин. Та покачала головой:

— Соль твоих слез мне не нужна, — и сунула коричневый мешочек обратно в дрожащую руку женщины.

— Но моя кормилица говорила... Такова была цена ведьмы в Уэллсе. — Глаза женщины будто готовились исторгнуть еще больше соли.

С лицом пустым, как доска, Тэмсин моргнула.

— Так иди к ведьме из Уэллса.

Она знала, что женщина не пойдет. Тэмсин была в двенадцать раз сильнее, чем ведьма из Уэллса, и об этом знали все, включая эту ломаку.

Женщина широко распахнула глаза.

— Но... мой ребенок...

Она протянула вперед неподвижный сверток. Тэмсин, не обратив на него внимания, повернулась к очагу, где яростно ревел огонь, несмотря на жару середины

лета. Язычки пламени плясали весело. Насмешливо. Огонь не помогал прогнать стужу из костей Тэмсин. Она плотнее завернулась в шаль, длинные волосы окутали ее, но ничегошеньки не изменилось. Она замерзала.

Огонь потрескивал. Женщина хныкала. Тэмсин ждала.

— Прошу тебя... — голос женщины сорвался, мольба перешла в кашель, в отчаянный стон. — Прошу, спаси моего сына!

Тэмсин не обернулась. Женщина уже почти была готова, *почти готова* произнести те слова, которые Тэмсин хотела услышать.

— Я сделаю что угодно.

Губы Тэмсин изогнулись. Она обернулась и жестом велела отдать ей сверток из одеял. Женщина помедлила, тревожно бегая глазами по вещам, которыми был завален деревянный стол: дымчатые кристаллы с острыми гранями, пучки шалфея и лаванды, перевязанные белой нитью, пухлые книги в кожаных обложках, с бежевыми листами, исписанными черными чернилами.

Разумеется, ни в чем из этого Тэмсин не нуждалась. Ведьмы сами по себе были сосудами, что собирали природную магию из окружающего мира и направляли ее в нужное русло. Однако за почти пять лет служения горожанам Лэйдо Тэмсин поняла, что большинству легче, когда они могут отыскать в доме ведьмы что-то, на чем можно сосредоточиться. Что-нибудь, кроме нее самой.

Ребенок не шевельнулся, когда мать передала его в руки Тэмсин. Та пальцем отодвинула одеяльце с детского личика болезненного желтовато-серого цвета, особенно заметного на фоне бледной кожи ведьмы. В тельце ребенка бушевал такой жар, что она почти ощущала это тепло. Температура у него была куда выше, чем могло вынести маленькое детское сердечко.

Тэмсин тихонько проворковала ребенку какую-то чепуху. Затем взглянула на его мать, словно о чем-то вспомнив.

Сладкая горечь магии

— Ой. Оплата. — Тэмсин попыталась придать лицу подходящее выражение. Извиняющееся. — Мне только нужно, чтобы ты рассталась с частицей своей любви.

Она оценивающе взглянула на двух детей посетительницы. Женщина, конечно, осмелилась прийти в дом Тэмсин из любви к сыну, но к дочери она была привязана на два года дольше. Такая сила безусловной любви дала бы Тэмсин намного больше, чем чувства к младенцу, которому едва исполнилось три месяца.

— Любовь к дочери будет даже лучше. — Тэмсин указала на маленькую девочку, которая задумчиво рассматривала кристаллы, широко распахнув глаза.

Женщина побледнела, лицо у нее стало почти такое же серое, как у сына.

— Ты ведь... шутишь?

Тэмсин пожала плечами, легонько укачивая дитя.

— Боюсь, такова моя плата. На рынке ведь наверняка шептались об этом?

Она изо всех сил старалась не уступить. По лицу женщины было ясно видно, что такое требование для нее чрезмерно. Прочие ведьмы работали за смех ребенка, за свежий хлеб, за новый оловянный котел. Но у Тэмсин ценой была любовь.

Единственный способ противостоять проклятью, которое было наложено на нее почти пять лет назад.

Тэмсин больше не могла любить, а значит, была обречена никогда не чувствовать радостей жизни. Забирая любовь у других, она получала лишь щепотку того, что потеряла. Если любовь была чистой, она дарила несколько мгновений чувств, если Тэмсин удавалось ее удержать. Так, несмотря на холод своего бесполезного сердца, она ненадолго возвращалась в тепло мира.

Глаза женщины погасли. Голос ее зазвучал тихо, будто она говорила сама с собой:

— Они меня предупреждали, но я не могла поверить, что юная девушка может оказаться такой жестокой. Такой холодной.

— Это твои проблемы.

Тэмсин переложила ребенка на другую руку. Она знала, что горожане судачат о ней, торопливо обмениваясь слушками и руганью, пока ждут у мясника свои завернутые в бумагу покупки. И все-таки Тэмсин знала: женщина заплатит. В конце концов они всегда платили.

— Я лучше поищу фею, — сквозь слезы проговорила женщина. — До реки всего два дня ходу.

Тэмсин фыркнула. С простыми людьми вечно так. Они любили магию, а вот о последствиях не задумывались. Могли выменять корову на горсть волшебных семян. Или предложить голос русалке в обмен на нос поменьше. Искали троллей, что прячутся под мостами на заболоченном Юге, надеясь, что те исполнят их желание. Подобная неосмотрительность имела свою цену: из семян прорастали цветы, что пели не смолкая, из нового носа вечно текло, а тролли, не заботясь о мелочах, истолковывали желания неправильно.

Единственным способом убедиться, что магический запрос соразмерен, законен и верно понят, было обратиться к ведьме. С Темного Года — об этом времени до сих пор говорили шепотом, хотя прошло уже почти тридцать лет, — отношения между ведьмами и простыми людьми контролировались и Ковеном, и королевой, чтобы обеспечить как безопасность простых людей, так и ответственность ведьм.

Тэмсин исключили из академии и изгнали из Ведьминых земель, из мира Внутри, но ответственности это с нее не снимало. Напротив, ее проклятие и одиночество служили еще одним напоминанием о том, что у магии есть последствия. То, что Тэмсин разрешили колдовать для селян, что пожалели и вообще оставили в живых — милосердие.

Не то чтобы оно ощущалось именно так. Может быть, оттого, что волею Ковена Тэмсин не могла ощутить ничего.

Сладкая горечь магии

— Хочешь попытать счастья у феи — пожалуйста, пусть она отрастит твоему малышу жабры. — Тэмсин пожалала плечами и протянула сверток женщине. — Но мы обе понимаем, что он не переживет эту ночь.

Женщина сдалась. Она покачала головой, затем схватила девочку, которая топала к столу с безделушками Тэмсин. Девочка протестующе запищала. Тэмсин заворковала над неподвижным младенцем. Мать крепко сжала плечи дочери, нежно взглянула в ее сморщенное, краснеющее личико и вскинула голову:

— Возьми мою любовь к мужу. — Глаза у нее стали дикие, она будто смотрела куда-то вдаль. — Прошу тебя.

Тэмсин шумно, протяжно вздохнула. Ей вечно пытались подsunуть романтическую любовь вместо безусловной, словно эти два вида могли заменить друг друга. Но сходства между ними было мало. Романтическая любовь была переменчива. Часто она выдыхалась и остывала, выгорая так скоро, что Тэмсин получала едва ли шепотку чувств. Материнской же любви, напротив, могло хватить на несколько месяцев, если расходовать экономно.

Ребенок за ребенка — Тэмсин полагала, что это справедливо. Но женщина так не думала. Пламя в ее глазах своей яростью могло поспорить с огнем ревущего очага.

— Возьми мою любовь, — сказала она, подавшись к ведьме, которая все качала младенца. — Я добровольно отдаю ее тебе. Пожалуйста. — Глаза сверкнули. — Умоляю. Возьми. Ты должна.

Тэмсин машинально попятилась, едва не споткнувшись о пустое ведро, но быстро вернула себе и равновесие, и равнодушный вид.

— Давно ты замужем?

Женщина удивленно приподняла бровь.

— Три зимы.

Тэмсин обдумала услышанное. Долгие отношения часто давали более обильный урожай, но всегда оставалась вероятность, что чувства в паре прокисли